

О вмещающих конструкциях, и не только о них

М. И. Конюшкевич

On accommodating structures and more

M. I. Konyushkevich

Мария Иосифовна Конюшкевич – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь, Гродно, Республика Беларусь

Maryia I. Konyushkevich — Dr. Sci. in Philology, Professor; Independent Researcher, Grodno, Republic of Belarus

E-mail: marikon9@mail.ru

ORCID 0000-0001-5585-5274

Статья поступила. 12.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Received: 12/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Анализируются грамматические описания русских относительно-распространительных сложных предложений с вмещающим значением, уточняются их характеристики в существующей литературе. Специфика синтаксической связи в названных предложениях рассматривается на основе трех составляющих – содержания главной части, реляте *что* и его синтаксической позиции в придаточной части. Установлено, что синтаксическая связь между указанными составляющими многослойна и асимметрична, а ее регулятором является реляте *что* как инструмент, с одной стороны, обладающий семантической широтой для вмещения в себя множественного и разнообразного содержания, а с другой – обладающий грамматической гибкостью, чтобы встроить вмещенный содержательный объем в позицию любого участника типовой ситуации, названной придаточной частью. По анафорическому и вмещающему значению выступает показателем падежной связи предикативной единицы, т. е. своего рода «флексией» главной части в такой же мере, как соотносительное местоимение *то*₂ выступает «флексией» придаточной части во вмещающих конструкциях, с тем различием, что реляте *что* анафорично и отсылает к уже названному antecedенту, а *то* катафорично и его вмещающее значение направлено на предвестник, постседент. Для денотативного уровня сложного предложения важно, какими синтаксемами являются соотносительные и относительные местоимения, какие они оформляют отношения и в каких компоновках они образуют скрепу, связывающую части сложного предложения. Продемонстрирована часть инвентаря скреп в относительно-распространительных предложениях и показаны пути их образования и пополнения в русском языке.

The grammatical descriptions of Russian relatively extended compound sentences with an accommodating meaning are analysed, their characteristics in the existing literature are specified. The specificity of the syntactic connection in such sentences is considered on the basis of three components – the content of the main part, the relative *что* and its syntactical position in the subordinate part. It has been found that the syntaxemic connection between these components is multi-layered and asymmetric, and its regulator is the *что* relative, which serves as a tool, on the one hand, having semantic breadth to accommodate multiple and diverse content, and on the other hand, having grammatical flexibility to embed the contained meaningful volume into the position of any participant in a typical situation, named in the subordinate part. By its anaphoric and accommodating meaning, the relative *что* is an indicator of the case relation of the predicate unit, i.e. a kind of “inflection” of the main part, to the same extent as the correlative pronoun *то* acts as an “inflection” of the subordinate part in the accommodating constructions, with the difference that relative *что* is anaphoric and refers to the already named antecedent, whereas *то* is cataphoric and its accommodating meaning is directed to the harbinger, the postcedent. For the denotative level of a compound sentence, it is important what syntaxemes the correlative and relative pronouns are, what relations they form and in what combinations they form the staple that connects the parts of a compound sentence together. A part of the inventory of staples in relatively extended sentences is demonstrated and the ways in which they are formed and replenishment in the Russian language are shown.

Ключевые слова: вмещающие предложения, синтаксема, анафора, скрепа

Keywords: accommodating sentences, syntaxeme, anaphora, staple

УДК 811.164.1:81.367.634

OECD: 6.02.OT

В **Постановка проблемы.** Термины «вмещающее значение», «вмещающие предложения», с легкой руки В. А. Белошапковой введенные в научный оборот и подкрепленные авторитетом академической грамматики [Грамматика, 1970, с. 691–694; Белошапкова, 1977, с. 231–232], принятые научным сообществом и освоенные в научно-методической вузовской практике [Современный, 1981], получили расширение и развитие в понятиях «вмещающая конструкция» [Шмелева, 2008], «вмещающая адъективная конструкция» [Шмелева, 2013]. Обобщая развитие идей Веры Арсеньевны в грамматических описаниях, Т. В. Шмелева проследила активность и продуктивность скреп, образующихся на базе вмещающего значения не только субстантивных местоимений *то, тот*, но и указательных адъективных и наречных *Т*-слов, а также втягиваемых в этот процесс глаголов, в результате чего пришла к выводу, что «В. А. Белошапкова открыла не просто особый тип сложного предложения, а местоименно-союзный механизм, особый тип сложного предложения, особую конструкцию, на основе которой строятся сложные предложения широкого смыслового диапазона», а «вмещающие предложения – только один из случаев действия этого механизма» [Шмелева, 2008, с. 62].

Вмещающее значение В. А. Белошапкова определила еще в одном виде сложных предложений – в относительно-распространительных (в другой терминологии «присоединительных» [Крылова, Максимов, Ширяев, 1997], «подчинительно-присоединительных» [Крючков, Максимов 1977]) сложноподчиненных предложениях (далее – СПП), «которые организуются любым союзным словом с вмещающим значением» [Современный, 1981, с. 539]. Например: *Пала роса, что предвещало хорошую погоду* (Мамин-Сибиряк; пример из [Крючков, Максимов, 1977, с. 120]). В существующих грамматических описаниях относительно-распространительные сложные предложения (далее – ОРСП) получили скупое, «по остаточному принципу», описание, недостаточно полно представляющее специфику данного класса конструкций. Особенно это касается их функционирования и дальнейшего развития в системе современного русского языка.

Поскольку в характеристиках рассматриваемых здесь предложений в качестве эталонного объекта используется слово *что* во всех падежных формах (с предлогами или без них), попробуем разобраться в его ипостасях на всех уровнях и в сравнении с его ролью в других видах сложных предложений, которые, на первый взгляд, схожи с относительно-распространительными сложными предложениями по постпозиции придаточной части.

История вопроса. Рассмотрим характеристики ОРСП, извлеченные из авторитетных источников, сопровождая нашими вопросами и комментариями.

«Это небольшой и внутренне цельный класс» [Современный, 1981, с. 539]. Солидаризируясь с этим лаконичным и точным замечанием В. А. Белошапковой о внутренней цельности данного класса, задаешься вопросом, в чем же заключается и чем обуславливается эта цельность? Возникает сомнение и по поводу малочисленности представителей данного класса, если иметь в виду не

употребительность таких предложений, а инвентарь союзных средств, оформляющих такие вмещающие конструкции, который, как будет показано ниже, свидетельствует, что класс этих единиц не такой уж и «небольшой».

Больше извлечений возьмем из академической грамматики [Русская, 1980], в которой авторами разделов, где содержится информация о данных СПП, являются М. В. Ляпон [Там же, т. 1, с. 722] и И. Н. Кручинина [Там же, т. 2, с. 527–529].

Это «предложения, в которых относительное слово **отсылает к предикативному центру главного предложения**» [Там же, т. 2, с. 527]; «**Не имея никакой опоры в главном предложении**, такое придаточное является придаточным только по форме» [Там же, т. 2, с. 528] (здесь и далее выделение наше. – М. К). Заметно противоречие между этими тезисами: если придаточная часть ориентирована только на предикативный центр главной части, то он и есть опора для придаточной. Хотя едва ли отсылка вмещающего слова к главной части ограничивается только предикативным центром: в любом сложном предложении, независимо от типа и характера связи, на такую ориентацию, а значит, и на решение коммуникативных задач говорящего «работает» все лексическое наполнение главной части.

Примечательно, что то же самое перед этим утверждает и сам автор на с. 527: «Объем содержания, воспроизводимого словом *что*, **равен** объему содержания главного предложения», что противоречит сказанному выше тезису об ориентации придаточной (далее – ПЧ) на предикативный центр главной части (далее – ГЧ), ибо объем предикативного центра и объем содержания в главной части не совпадают. Равенство содержания и предикативного центра предложения можно утверждать разве только по отношению к нераспространенным простым предложениям типа *Ребенок смеется. Темнеет. Тишина*.

Отмеченное противоречие было сформулировано на той же странице перед предшествующим тезисом: «**местоимение** ориентировано на предикативный центр главного предложения и является **средством его повторного воспроизведения в придаточном**». Представляется, что слово *воспроизведение* для роли местоимения в ОРСП не совсем подходит: местоимение не может воспроизводить ни предикативный центр, ни даже все содержание ГЧ, ибо слово *воспроизвести* предполагает материализацию – ‘создать вновь’, ‘повторить в точности’, ‘копировать’ [Словарь, 1981, с. 216]. Даже если имеется в виду значение 3, приведенное в словаре, – ‘восстановить, вызвать к памяти’, – оно тоже применительно к союзному слову некорректно, ибо действие приписывается не слову, а физическому лицу, как в приведенном в Словаре примере: *Кирилл Иванович воспроизвел перед собой фигуру человека среднего роста, сухого, угловатого...*

Возникает сомнение и в самом делении класса рассматриваемых СПП только на распространительно-изъяснительные и распространительно-обстоятельственные. Приведем пример: *В центре зимнего клубка даже в сильнейшие морозы пчелы удерживают температуру порядка 24–28 градусов, в чем им могут позавидовать даже крестьяне, отапливающие свои избы дровами* (Знание – сила, 2003; данный пример и все последующие извлечены из Национального корпуса русского языка).

Отнесение приведенного предложения к распространительно-изъяснительным возможно разве только если интерпретировать изъяснение очень расширительно, что, как блестяще продемонстрировала на других видах СПП Т. В. Шмелева, является «шагом назад» в изучении природы сложного предложения и создает «тупиковые ситуации при анализе высказываний из современных текстов» [Шмелева, 2008, с. 60] в практике вузовского преподавания.

Напрашивается примечание и к следующей констатации: «**Коммуникативная достаточность** придаточного предложения (и, следовательно, его предикативного центра) может быть подчеркнута интонационно – паузой после главного предложения» [Русская, 1980, т. 2, с. 528]. Во-первых, предикативный центр не может быть коммуникативно достаточен ни в сложном предложении, ни даже в простом распространенном предложении, в силу того, что он только центр, а не все высказывание, хотя в формировании грамматической структуры предложения роль предикативного центра действительно является определяющей. Во-вторых, современное состояние знания о грамматическом, семантическом, коммуникативном синтаксисе языка позволяет четко разграничивать самостоятельное предложение с его пятью планами (информативным, денотативным, семантическим, грамматическим, коммуникативным) и предикативную часть СПП, с ее планами (информативным, денотативным, семантическим, грамматическим, но не коммуникативным), ибо предложение в коммуникации – это высказывание, а предикативная часть СПП таковым не является.

В свете сегодняшней дискурсивной парадигмы становится очевидным, что и простое предложение не является коммуникативно достаточным, ибо как высказывание оно включено в конкретные условия коммуникации, имеет текстовую природу и только в коммуникации определяется степень его коммуникативной достаточности. Поэтому если даже самостоятельные в структурном отношении предложения коммуникативно недостаточны, то предикативные части сложного предложения тем более зависят от коммуникативной цели всего сложного высказывания, которое, кстати, тоже коммуникативно недостаточно, ибо зависит от текста в целом – от задач и намерений говорящего и от жанрово-стилистических характеристик текста. Представляется, что под коммуникативной достаточностью автор раздела Грамматики имел в виду содержательную и формальную достаточность, как сформулировано в другом источнике: придаточная часть «является законченной по своей форме и содержанию» [Крючков, Максимов, 1977, с. 120], но все же: «**отсутствие интонационной законченности** (речь идет об обсуждаемых типах СПП – М. К.) сигнализирует о том, что это часть сложного предложения» [Крылова, Максимов, Ширяев, 1997, с. 213].

«Придаточное предложение не имеет синтаксической позиции внутри главного, оно формируется **вне рамок последнего** и не может быть сведено на положение какого-нибудь его члена. Напротив, позиция, которую занимает местоимение *что*, может расцениваться как позиция, **вовлекающая главное предложение в структуру отношений, устанавливающихся внутри придаточного**» [Русская, 1980, т. 2, с. 528]. Действительно, ПЧ в рассматриваемом типе предложений

не изоморфна члену предложения и поэтому не имеет такой позиции в главной, но трудно согласиться с тем, что она формируется «вне рамок» главной части, правда, смотря что понимать под рамками ГЧ. Если только невозможность трансформировать ПЧ в словоформу и наоборот, то так, но придаточные и других типов, например, сравнительные, могут тоже формироваться «вне рамок» главной части. Скорее здесь мы имеем дело не с «рамками», а с **влиянием** ГЧ на формирование придаточной, но каково это влияние, и только ли оно формирует ПЧ, необходимо уточнить.

Что касается второго тезиса, то это очень важное и нужное положение, только оно не уточняет, о какой позиции, которую занимает местоимение *что*, идет речь, если она вовлекает ГЧ в структуру отношений внутри ПЧ.

Следует отметить и расхождения в определении значения и функции союзного слова в рассматриваемых СПП: вмещающее [Современный, 1977, с. 539], [Крылова, Максимов, Ширяев, 1997, с. 213]; заместительное: см. определение функции относительного местоимения в ОРСП: «местоимение *что* может выступать в качестве **заместителя** целого предложения» [Русская, 1980, т. 1, с. 722], что явно не соответствует истинному назначению данной единицы в ОРСП: она **вмещает информацию** ГЧ, но **не может заместить материальную звуко-буквенную оболочку**, которая выражает эту информацию в ГЧ, т. е. занять ее место, заменить ее.

Методология и методика исследования. Исходными методологическими и теоретическими позициями для анализа ипостасей *что* являются а) расширительное понимание синтаксемы – от словоформы до предикативной единицы, б) учет денотативного уровня предложения [Всеволодова, 2000; 2017], на котором синтаксема представляет участника типовой ситуации, называемой предложением, в) учет корреляции предлога с союзом, позволяющей многообразие образования скреп, г) расширительное понимание категории союза, включающей не только «классические» союзы, но и периферийные скрепы, включая соединения прономинальных компонентов. Названные принципы реализуются на синтаксическом анализе относительного местоимения *что* во всех его предложно-падежных формах по его роли в ОРСП.

Анализ материала. Представим основные ипостаси местоимения *что*.

✓ *Что* – релят в ПЧ, соотносящийся с опорным существительным в главной части: *Министерство финансов предлагает избавить россиян от заполнения мудреных документов с многочисленными кодами, **без чего**, увы, средства не вернутся* (Парламентская газета, 09.2020); *Глава правительства напомнил, что повседневная жизнь людей требует самого насущного, **без чего** комфорт невозможен* (Vesti.ru, 03.2020); *Жидкость докипит, конденсат выдаст процентное содержание чего-то, **почему** определяют причину преждевременной кончины владельца печени* (Комсомольская правда, 03.2003); *Не хочется слышать и различать суету, дразги вокруг себя, мне это неинтересно в сравнении с великим, **у чего** я стою* (С. Н. Булгаков. Дневник, 1921). Сравн. с ОРСП: *При этом компания не остановила свою деятельность и не объявила себя банкротом, **без чего** схема возмещения денежных компенсаций пострадавшим туристам не могла*

заработать (Московский комсомолец, 10.2018); *Наполеон не пошел в обход, чего боялись русские и растянули свою линию вправо вдвое* (А. Балдин, 1997).

✓ *Что* – вопросительное слово в косвенном вопросе; в главной части с ним связана изъяснительная лексема: *И только сейчас стало понятно, мимо чего я равнодушно прошел, влекомый буфетом* (АиФ, 11.2005). Сравн. с ОРСП: *Некоторые наши новации работают, некоторые идеи еще только предстоит окончательно обсудить (ради чего в том числе мы встретились)* (Известия, 03.2018).

✓ *Что* на грамматическом уровне – член предложения придаточной части, в том числе и в ОРСП; подлежащее: *Очевидна роль поражений иммунной системы при этой лихорадке, **что** требует последовательного изучения реакций различных факторов иммунитета* (Вопросы вирусологии, 08.03.2004); дополнение: *В основе многих планов лежит сохранение баланса трудовых ресурсов, с **чем** в нашей стране существуют проблемы* (Парламентская газета, 12.2021); *Императрица Екатерина решительно поддержала Станислава и отправила в Польшу русские войска, с **чего** и начались три раздела Польши, проведенные Екатериной* (Вестник США, 15.10.2003); обстоятельство причины: *Баклан съедает рекордное количество рыбы, **из-за чего** в советское время за отстрел этого пищевого конкурента человека давали премию* (В. О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе, 2015). Кстати, исследовательское внимание к тому, позиция каких именно членов предложения для релята *что* наиболее соответствует его вмещающим и грамматическим способностям, могло бы еще больше прояснить своеобразие ОРСП.

✓ *Что* на денотативном уровне – падежная или предложно-падежная синтаксема с «пустым» номинативным (на информативном уровне) компонентом, представляющая участника типовой ситуации, называемой придаточной частью, например: субъект состояния: *с **чем** в нашей стране существуют проблемы*; субъект действия: ***что** требует последовательного изучения*; финитив: ***ради чего** в том числе мы встретились*; объект: ***мимо чего** я равнодушно прошел*; субъект отношения: ***чего** боялись русские*; и т. д.

✓ *Что, чего, чему, чем* – падежная скрепа (или ее компонент) в СПП: ***Чем** все закончилось, вы знаете сами* (форум); *Драматизма в жизни простых российских людей **не меньше, чем** в прославленных зарубежных книгах и кинодрамах*(форум). В ОРСП: *Таня работала много, ее черные камешки входили в моду, **чему** способствовала приезжавшая на каникулы из Перми Полуэктова* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

✓ *Что* с предлогами – падежный компонент предложно-падежной скрепы в сложноподчиненном предложении: *Увидели, **к чему** приводят идеи «овладевая сознанием масс»* (А. Кушнер // Звезда, 2002). В ОРСП: *В 1960-е годы происходит изменение политического климата, **в связи с чем** смещаются акценты по отношению к прошлому и его символам* (Неприкосновенный запас, 15.01.2004).

✓ *Что* – релят в падежных и предложно-падежных формах в местоименно-соотносительном сложном предложении, коррелятом которому выступает местоимение *то*₁ и некоторые другие местоимения: *Стараюсь по мере сил делать **то, чему** посвятил всю жизнь* (В. В. Шелохаев. Дневник, 2011); *Ведь **то,***

чему всё равно не жить, уничтожается природой заранее (В. Г. Галактионова. Спящие от печали); **Люди будут падать бездыханными в страхе перед тем, что надвигается на мир** (Евангелие). **Все, к чему он прикасался, превращалось в золото** (А. Филиппов. Уолт Дисней и его Мышь).

✓ *Что* – относительное местоимение, «обязательный конструктивный элемент ОРСП в придаточной части, которое вмещает содержание главной части и вводит его в придаточную как единый компонент ее семантико-синтаксической структуры» [Грамматика, 1970, с. 735].

Остановимся подробнее на последней ипостаси *что*.

Относительное *что* в ОРСП – анафорический релят в падежных и предложно-падежных формах, антецедентом которого выступает содержание главной части. На информативном уровне предложения анафора, представленная вмещающим *что*, возвращает внимание к антецеденту – предшествующему источнику информации в ГЧ, который (антецедент) сам по себе информативно достаточен и не требует обязательного дейксиса, отчего придаточная часть, оформляемая вмещающим *что*, с одной стороны, синтаксически самостоятельна по отношению к главной как антецеденту для *что*; а, с другой стороны, информативно, в смысловом отношении, она связана с главной как носитель дополнительных смыслов – результативности, следования, дополнения, пояснения, комментария и т. д.

Но, кроме дополнительных смыслов, имеющих в самой придаточной части, в нее возвращается информация и из главной части, наполняя «пустое» *что* всем лексическим, модальным, ассоциативным, образным и др. содержанием главной части. Этот своего рода **ментальный** информативный повтор, ментальное воспроизведение антецедента, позволяет реляту *что* ввести содержание главной части в семантико-синтаксическую структуру придаточной как единый компонент. Осуществляет это релят *что* в ПЧ своей падежной или предложно-падежной формой, тем самым в ОРСП он выступает в качестве падежной «флексии» для главной части, обеспечивая этой «флексией» грамматическую связь между главной и придаточной частями.

Аналогичную «флексию» в пустом *то*₂ для придаточной части показала М. И. Черемисина, сопоставляя русский синтаксис с синтаксисом алтайских языков [Черемисина, 1982]; см. также: «Падежные показатели, адресованные предикативной единице, которых не способно принять русское глагольное сказуемое, принимает компонент скрепы – *то*» [Черемисина, Колосова, 1987, с. 148]. Добавим, что в качестве своеобразных «флексий» для ПЧ выступают и другие омонимы *то* – *то*₁ и *тот*, и даже адъективные вмещающие местоимения [Шмелева, 2013].

А поскольку любая падежная флексия (с предлогом или без него) на денотативном уровне является формантом синтаксемы, в т. ч. и предикативной (подробнее см. в [Конюшкевич, 2014]), то релят *что* является падежным или предложно-падежным формантом главной части как номинативного компонента предикативной синтаксемы. Именно на денотативном уровне и проявляется сложность связей относительно-распространительного сложного предложения,

потому что ГЧ как предикативная синтаксема существует в двух частях СПП: номинативный ее компонент представлен содержанием ГЧ, а формант-«флексия» *что* находится в составе ПЧ.

Вместе с тем, будучи ментально наполненным, релят *что* одновременно становится синтаксемой в самом себе и для себя: он и формант с парадигмой своих флексий, и номинативный компонент, пусть и ментальный. Таким образом, в ОРСП главная часть с помощью релята *что* представлена как сдвоенная, подобно сдвинутому изображению на экране, синтаксема: один план – материальный номинативный компонент (ГЧ) + формант (словоформа релята *что*) и второй план – ментальный номинативный компонент ГЧ, вмещенный в *что* + формант (форма, т. е. только флексия релята *что*). В обоих случаях основная тяжесть представления этой сдвоенной синтаксемы ГЧ лежит на реляте *что*.

Необходимо заметить, что этот второй план синтаксемы хотя и наличествует, но в силу ее характера «в самой себе и для себя» он не привязан ни к одной из частей, поэтому в речи он, как правило автономно не реализуется. Тем не менее он необходим как переводная стадия (сравним: как предназначение тары для фруктов, чтобы перемещать их – и только их, а не что иное – в другое место). Синтаксема *что* вне СПП – это тара без фруктов, но понимается, что она предназначена только под них. Это ее предназначение – и ее форма, и то, что туда положат (для синтаксемы – формант и номинативный компонент).

Этот переходной «мостик» от ГЧ к ПЧ и есть то звено, которое делает возможной их грамматическую связь. Таким мостиком может быть только местоимение, которое своей семантической и грамматической гибкостью способно быть «тарой» для вмещения любых «фруктов»-слов или целых предложений при их перенесении по замыслу говорящего с одного места (ГЧ) на другое (ПЧ). Не случайно возможны местоименные построения, которые и без номинативного наполнения способны выразить участников конкретной типовой ситуации: имеются в виду сочетания типа *что к чему, что с чем* и другие.

Между тем и в придаточной части релят *что* имеет свои обязанности – на грамматическом уровне он полноправный член предложения и занимает свою синтаксическую позицию в ПЧ, а на денотативном он тоже синтаксема, представляющая участника типовой ситуации, называемой предикативной ПЧ, причем его номинативный компонент – тот же вмещенный ментальный информативный объем ГЧ, а формант – его флексии, которые реагируют на синтаксическую позицию *что* в придаточной части (тару с фруктами необходимо поместить в соответствующие ее содержанию условия, равно как и она должна им тоже соответствовать). Какова степень этого соответствия / несоответствия, пока эта сторона ОРСП не исследовалась вовсе.

Итак, номинативное содержание главной части ОРСП выступает одновременно на денотативном уровне СПП трояким способом –

- (1) в языковой реализации в ГЧ,
- (2) во вмещенном ментальном образе в самом реляте как в синтаксеме «в самой себе и для себя»,

(3) во вмещенном ментальном образе в реляте со встроенной в ПЧ синтаксической позицией; здесь можно усмотреть своего рода денотативную ретрипликацию содержания ГЧ.

Выражение формантов синтаксем в ОРСП тоже многослойно:

а) в синтаксеме (1) формант представлен всей словоформой релята *что* (вмещенное содержание + местоименная флексия), тем самым данная синтаксема представляет собой трехкомпонентную структуру – два номинативных компонента (материализованное содержание ГЧ и вмещенное содержание релята) + местоименная флексия релята;

б) в синтаксеме (2) формант представлен парадигмой местоименных флексий при вмещенном в реляте номинативном компоненте;

в) в синтаксеме (3), относящейся к ПЧ, формант представлен парадигмой местоименных флексий релята и его синтаксической позицией в ПЧ.

Как видим, все три синтаксемы, в которых задействован релят *что*, имеют разную структуру: синтаксема (1) трехкомпонентна за счет удвоения номинативного компонента, синтаксема (2) двухкомпонентна, синтаксема (3) трехкомпонентна за счет удвоения форманта. Тем самым обнаруживается связь между первой и третьей синтаксемами – приращенный, он же вмещенный формантом-«флексией»-релятом номинативный компонент первой синтаксемы, встраивается в придаточную часть как синтаксема с приращенным формантом в виде синтаксической позиции в придаточной части. Вот где образуется связь между главной и придаточной частями в относительно-распространительных предложениях.

Добавим, что продуцирование таких конструкций, а тем более их восприятие сопряжено с усиленной мысле-речевой деятельностью участников коммуникации. Не случайно подобные вмещающие конструкции паузируются, парцеллируются, оформляются как вводные, берутся в скобки, интонационно модифицируются, а то и вовсе видоизменяются – либо с помощью введения усилительной частицы *и*, либо заменой дейкиса более сильным – указательным местоимением *это*.

Из проведенного анализа напрашиваются два вывода.

Первый: в ОРСП содержание главной части денотативно должно быть таковым, чтобы в ментальном его образе ему могло найтись место в денотативной структуре придаточной части, и наоборот, типовая ситуация, представленная денотативной структурой придаточной части, должна быть таковой, чтобы в она могла создать синтаксическую позицию для вмещенного ментального образа номинативного компонента (содержания ГЧ). Так что несмотря на структурную асимметрию (от ГЧ содержание – от ПЧ позиция), не менее важным условием (если не определяющим?) является содержание обеих частей, ради которого, в сущности, и осуществляется коммуникация. А денотативный уровень предложения как раз ближе всего связан с реальностью.

Вывод второй: содержательным условиям обеих частей в ОРСП должен соответствовать материализованный инструмент, который бы, с одной стороны, обладал семантической широтой для вмещения в себя максимально множественного и разного содержания, а с другой – обладать грамматической гибкостью, чтобы

встроить вмещенный содержательный объем в позицию любого участника типовой ситуации, названной придаточной частью. Такой семантической широтой и такой грамматической гибкостью обладает только местоимение, причем только относительное. Почему только оно?

Дело в том, что, будучи вмещающим формантом главной части как предикативной синтаксемы, релят *что* по анафорической функции равнофункционален вмещающему форманту *то* главной части предикативной синтаксемы в других СПП, на что обратила внимание В. А. Белошапкина, дав одну и ту же формулировку одинаковых функций соотносительного *то* во вмещающих и относительного местоимения в относительно-распространительных предложениях, изменив лишь вектор действия самих объектов. Процитируем, совместив обе формулировки, выделяя замены – для вмещающих полужирный шрифт, для ОРСП – скобки: «**Соотносительное** слово (относительное местоимение) вмещает в себя содержание **придаточной** (главной) части и прямо вводит его **в главную** (в придаточную) как единый компонент ее семантико-синтаксической структуры» [Грамматика, 1970, с. 684; с. 735]. Разница в формулировке только в слове *прямо*: применительно к ОРСП такое определение отсутствует; случайно или нет, трудно сказать, но выполненный выше анализ функций релята *что*, показывает, что введение главной части в придаточную едва ли можно назвать прямым. Оно опосредовано той переходной стадией «висячей» вне контекста синтаксемы для адаптации релята *что* в новых условиях, а именно – в выполнении анафорической функции.

По этой функции и вмещающее *то*, и вмещающее *что* симметричны, однако их симметрию нарушает разница в векторе анафорической функции, а значит, и в их связующей способности. Как известно, анафорическая связь разделяется на анафору и катафору (оговоримся, что речь идет о лингвистической анафоре и катафоре, мы не касаемся поэтико-стилистических фигур художественных текстов, где работают иные механизмы).

Лингвистическая анафора как синтаксическая связь ретроспективна, ее antecedent сообщается раньше: относительные (союзные) слова как реляты в ПЧ содержат отсылку к коррелятам (указательным словам), опорным словам или всей главной части. Релят *что* в ОРСП тоже анафоричен: он отсылает к antecedentu – содержанию главной части. Катафора же *то* проспективна, она предвестник постцедента – следующей информации, ее связь с ним прогнозируема, предсказуема и обязательна, причем указательная катафора в пространстве СП очень близка к постцеденту в придаточной части, как правило, контактирует с его дейксисом, который представлен анафорическим релятом. Именно так сближаются катафорические соотносительные *T*-слова и анафорические относительные *K*-слова в СПП местоименно-соотносительного типа с корреляционной связью.

Это катафора-анафорическое сближение воплотилось в коррелятно-релятных сочетаниях-скрепах «*T*-слово + *K*-слово» типа *то–что*, *тот–кто*, *тот–который*, *туда–куда* и др. Воплощением подобного сплава вплоть до «аннигиляции» катафоры и анафоры является блок «*то₂, что*» (где *что* союз): «хотя элементы блока *то, что*

четко разделены интонационно и пунктуационно, но линейно они связаны жестко: *то* всегда непосредственно предшествует союзу *что* [Черемисина, 1982, с. 12]. Целостность блока *то, что* как одноместной скрепы доказана в [Черемисина, Колосова, 1987]. Принимая это положение, мы принимаем и посыл авторов цитируемой работы о признании двухместных прономинальных скреп типа «*T-слово + K-слово*», и хотя «свойства этого "семейства скреп" и отношения элементов внутри его еще ожидают исследования» [Там же, с. 148], считаем, что инвентаризацию таких скреп надо осуществлять уже сегодня.

В связи с этим, не вдаваясь в подробные рассуждения, считаем, что для денотативного уровня сложного предложения очень важно, какими синтаксемами в ГЧ являются *T-слово* и *K-слово* в отдельности и в каких формальных компоновках они образуют одну скрепу. А это означает, что при характеристиках таких двухместных прономинальных скреп необходимо указывать, какие конкретно по значению синтаксеммы в своих частях выполняет каждое из соотносительных и относительных местоимений. Сравн.: *Платит тот, кому надо – Платят тому, кто работает – Платят тем, что имеется – Платим за то, что заслужили...* Сколько перед нами скреп – две или четыре?

Если мы принимаем окончания *и* в парадигме слова *мышь* как грамматические омонимы, то и на уровне скреп перед нами разные граммемы. При инвентаризации белорусских союзов в порядке начинания мы указывали синтаксемные роли компонентов прономинальных скреп в каждой из частей сложного предложения. На это нас вдохновили эксперименты моделирования компоновок прономинальных скреп с последующей верификацией их в НКРЯ, которая показала не только широкую активность скреп, но и ограничения и даже запреты на их образование.

В свете сказанного можно вообразить себе объем класса таких предложений, тем более что только часть его представлена инвентарем скреп, образованных на базе релята *что*, количество которых можно попытаться исчислить хотя бы в некотором приближении (значения форм пока не в счет). Это четыре падежные скрепы (*что, чего, чему, чем*) плюс 30 скреп, образованных с производными предлогами с учетом их разного падежного управления: *без чего, во что, в чем, до чего, для чего, за чем, за что, из-за чего, из чего, кроме чего, к чему, мимо чего, между чем, на чем, на что, над чем, о чем, о что, при чем, перед чем, про что, по чему, по что, под что, под чем, ради чего, с чего, с чем, со что, у чего*.

Верификация контекстами из НКРЯ выявила неоднородность их функционирования в речевой практике. Одни из них активны в речи (*в чем, для чего, за что, из чего, на что, на чем, над чем, под чем, из-за чего, ради чего, о чем*), причем наблюдается их регулярная синтаксемная в ПЧ функция, обусловленная управляющим предикатом в ПЧ – в основном это предикаты речевой, мыслительной, оценочной деятельности, что довольно симптоматично для подтверждения тенденции к интеллектуализации в развитии языка, – тенденции, отмеченной на анализе других явлений [Поликарпов, 2004]: *Каждого ушедшего нужно было заменять, вводить в репертуар новых музыкантов, от этого терялось качество, в чем тоже упрекали Спивакова* (С. Спивакова. Не всё, 2002); *Она рассчитывала*

стать императрицей, **для чего** готовила новый акт о престолонаследии (Парламентская газета, 12.2021); Из наших титулованных прежде мог позволить себе такую вольность один только Владимир Драчев (**за что**, в частности, и был выведен из основного состава российской сборной) (Известия, 06.12.2002); В отличие от полосатых беленьких котят оставили жить, а когда они подросли, раздали знакомым и незнакомым людям, **из чего** легко было сделать вывод: цвет шерсти и глаз, порода и происхождение могут служить достаточным основанием для решения вопроса о жизни и смерти (А. Варламов. Купавна, 2000); Крепость «рыковки» не превышала 30 градусов, **над чем** иронизировал герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» профессор Преображенский (Н. Б. Лебина. Советская повседневность); Советники Байдена также не против привлечь Китай к сделке, **на чем** так настаивает Трамп (Vesti.ru, 11.2020); Google и Facebook пригрозили, что уйдут с территории Австралии, **на что** австралийский премьер, надо отдать ему должное, ответил, что в Австралии действуют свои законы (Парламентская газета, 05.2021); Память о дефолтах и гиперинфляциях толкает людей на выгодное вложение средств, **под чем** нередко подразумевается «вложение в себя» – приобретение второго высшего, тренинги, повышение квалификации (РБК Daily, 11.2009).

С некоторыми скрепами (без чего, пример с которой приводился выше, о что, по чему, под что, по что) в НКРЯ выявлены единичные, даже уникальные употребления: Возвращаемся к основному вопросу: основной вопрос социализма есть вопрос об изменении отношения массы к вождям (общества и личности), **о что** всякие попытки осуществления социального заказа разбиваются, и под флагом социализма складывается обыкновенная конструкция общества, т. е. личность, превращенная массой в кумир (М. М. Пришвин. Дневники, 1922); Стоит отметить, что иск был подан на фоне начавшейся масштабной реконструкции по удлинению и расширению ул. Строителей, **под что** частично попадает ул. 2-я Шоссейная (Коммерсант, 12.2020); Наконец, все так же улыбаясь, проговорил что-то с вопросительной интонацией – во фразе прозвучало: «... мадам Лидия?» – **по чему** стало ясно, что мастер спрашивает, как поживает Лида (Д. Рубина. Медная шкатулка); Вечером ему сказали, что Лукашка при смерти, **по что** татарин из-за реки взялся лечить его травами (Л. Н. Толстой. Казаки).

Контексты со скрепами возле чего, при чем можно считать синкретичными, содержащими двойное понимание их структуры и отношений между частями:

возле чего или о том..., что..., возле чего? В Доме в деревне» Варламов наконец-то рассказал **о том** главном и сокровенном, **что**, собственно, и сделало его писателем, **возле чего** он окормлялся весь свой короткий творческий путь, постоянно варьируя в своих рассказах, повестях и романах мотив одинокого дома в северных лесах, где его герои находили последнее прибежище и спасение (Литературная газета, 11. 1997);

синонимы во время которого или при этом? Жандармское начальство, перехватив это письмо, сочло почему-то нужным произвести у Зубкова обыск, **причем** найдена была какая-то старая прокламация (Народная воля, 1879).

Скрепы *мимо чего, перед чем* ориентированы на опорный компонент в главной части, под которым в любом случае подразумевается определяемый придаточной частью субстантив: *Но что-то в этой литературе есть от духа, **мимо чего** и русский человек не проходит и посторонний, глядя на русского, не пробежит* (С. Н. Есин. Дневник, 2007); *От православия веяло какой-то дремучестью и забитостью, **перед чем** надо дрожать в страхе, причитая «Господи прости, Господи прости, прости Господи ... споди...»* (Н. Медведева. Любовь с алкоголем, 1988–1993).

В НКРЯ не оказалось контекстов со скрепами *кроме чего, между чем* в ОРСП, и есть сомнение, возможны ли они вообще. Скрепка *между чем* в единичном употреблении по значению равна современным *между тем* и *меж тем* (о последней см. [Конюшкевич, 2022]): *Различия между теми и другими устанавливаются гораздо большей наказуемостью некоторых деяний, не соответствующей величине материального вреда их; например, удар не обнаженным мечом или рукоятью, конечно, наносит гораздо меньше вреда, чем тяжкая рана мечом; **между чем** за деяние первого рода полагается штраф вчетверо больший (12 грив.), чем за второе* (М. В. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, 1886).

Как видим, в своих связях, функциях, денотативных ролях, по речевым предпочтениям носителей языка скрепы, образуемые релятом *что* с непроизводными предлогами, в ОРСП имеют разный удельный вес.

Если же продолжить исчисление скреп, образуемых релятом *что* с производными предлогами, то мы получим скреп на порядок больше, а их анализ занял бы пространство целой книги. Здесь же мы обратим внимание только на методику исчисления таких скреп. Опыт инвентаризации белорусских предлогов и участие в международном проекте «Грамматика славянского предлога», инициированном и руководимом М. В. Всеволодовой [Всеволодова и др., 2014], дали возможность увидеть, что корреляция предлога с союзом – важнейший атрибут обеих этих единиц, поэтому стало возможным формировать реестры союзных средств путем образования их от предлога (что от чего образовано на временной оси, для инвентаризации скреп не имеет значения).

Сейчас, когда вышел в свет первый том предлогов русского языка, содержащий 1380 предложных единиц (только заглавных) в диапазоне А–В, хотя общее их число составляет около 4 тысяч, если учесть так называемые параметрические предложные единицы (корреляты) единиц типа *величиной* [Там же], образование союзов от предлогов представляет собой чисто техническое дело, поскольку разработана и методика моделирования скреп. В образовании скреп мы дошли пока только до половины реестра русских предлогов, собранных в указанном выше томе. Но и этого оказалось достаточно для того, чтобы увидеть продуктивность предложного массива для образования скреп с релятом *что* в ОРСП.

Приведем только небольшой список скреп с данным релятом, способных формировать придаточную часть ОРСП и подтвержденных контекстами: *в благодарность за что, в видах чего, ввиду чего, в доказательство чего, в*

*дополнение к чему, в дополнение чего, в воздаяние чего, в зависимости от чего, в доказательство чего, в заключение чего, взамен чего, в изъявление чего, в интересах чего, в контексте чего, в знак чего, в награду за что, в награждение чего, в направлении чего, в обоснование чего, в объяснение чего, в обеспечение чего, в ожидании чего, в обмен на что, в ознаменование чего, во имя чего, в оправдание чему, возле чего, во время чего, в основу чего, в ответ на что, в отместку на что, в отношении чего, в поддержку чего, в подтверждение чего, в память чего, в погоне за чем, в пользу чего, в противоположность чему, в процессе чего, в преддверии чего, дальше чего, во избежание чего, для избежания чего, вслед за чем, исходя из чего, вопреки чему, **благодаря чему, в связи с чем, вследствие чего, в результате чего, на что, после чего ...***

В списке выделены скрепы, которые в Словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2001] включены в список союзов, с чем полностью солидарны мы и, вероятно, многие. Но возникает вопрос: а чем же отличаются от выделенных остальные единицы в списке? На наш взгляд, ничем. Разве только тем, что некоторые из них используются не так часто или уникальны, как в этом высказывании: *В известный период времени накапливалось достаточное количество стоп, которые, заведомо краденые, покупали мелкие торговцы. **Для избежания чего** начальство вынуждено было накладывать на бумагу штемпель того места, которому принадлежала бумага* (И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие, 1856).

Думается, что настало время собрать в единый реестр все союзные средства – собственно союзы, союзные слова, скрепы, функтивы, фразеосхемы, союзные единства... в функционально-грамматическое поле категории союза, отдавая должное даже самым периферийным единицам, чтобы представить объективную картину этого класса единиц в палитре динамичной стихии национального русского языка.

Выводы. Специфика ОРСП как цельного класса обнаруживается в системе многослойных связей на уровне денотативной структуры предложения, наиболее приближенной к реальной действительности. Именно близость денотативного и информативного уровней создает условия для связи содержания ГЧ как номинативного компонента предикативной синтаксемы с ее позицией, (тоже в виде вмещенного номинативного компонента синтаксемы) в типовой ситуации, названной ПЧ. Регулятором, обеспечивающим соотнесенность двух номинативных (материализованного и ментального вмещенного) компонентов, выступает релят *что*, обладающий семантической широтой, грамматической гибкостью и способностью к анафорической функции.

Объем класса ОРСП намного больше, чем он характеризуется исследователями, благодаря развивающемуся инвентарю скреп, образующихся от сочетаний падежных форм релята *что* с производными предлогами. Верификация таких скреп контекстами из Национального корпуса русского языка, показавшая существенные расхождения в употребительности контекстов и даже в отсутствии и уникальности отдельных из них, свидетельствует о значимости информативного и денотативного уровней для формирования вмещающих конструкций в виде ОРСП.

Литература

Белошапкова В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панов М. В. *Современный русский язык* (1981). Москва: Высшая школа.

Белошапкова, В. А. (1977). *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва: Высшая школа. 248 с.

Всеволодова, М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. (2018). *Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц. А – В (объективная грамматика)*. Москва: УРСС.

Всеволодова, М. В. (2000). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: Изд-во МГУ.

Всеволодова, М. В. (2017). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: УРСС.

Всеволодова, М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. (2014). *Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*. Москва: ЛИБРОКОМ.

Грамматика современного русского литературного языка (1970). Москва: Наука.

Ефремова, Т. Ф. (2001). *Толковый словарь служебных частей речи русского языка: 15 000 словарных статей: 22 000 семантических статей*. Москва: Русский язык.

Конюшкевич, М. И. (2022). Скрепцы с базовым компонентом «меж» в русском языке. *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 210–217.

Конюшкевич, М. И. (2014). Потенциал предлога для образования союзных средств. *Јужнословенски филолог*. Београд. Кн. LXX, 17–33.

Крылова, О. А., Максимов, Л. Ю., Ширяев, Е. Н. (1997). *Современный русский язык. Ч. 4: Синтаксис. Пунктуация. Теоретический курс*. Москва: Изд-во РУДН.

Крючков, С. Б., Максимов, Л. Ю. (1977). *Современный русский язык: синтаксис сложного*. Москва: Просвещение.

Поликарпов, А. А. (2004). Закон Менцерата как проявление базовых тенденций в словообразовании (на материале хронологического «морфемно-словообразовательного словаря русского языка»). *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Москва: Изд-во МГУ, 287–289.

Словарь русского языка: в 4 т. (1981). 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. 1: А-Й. Москва: Русский язык.

Черемисина, М. И. (1982). Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым

References

Beloshapkova V. A., Zemskaya E. A., Miloslavsky I. G., Panov M. V. (1981). *Modern Russian language*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian. Syntax*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Cheremisina, M. I. (1982). On the Explanatory Construction with the Optional Controlled Pronoun "TO". *Functional Analysis of Syntactic Structures*. Irkutsk: Irkutskii universitet Publ., 3–21. (In Russian).

Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (1987). *Essays on the theory of complex sentences*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of the Russian language (1981). In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Russkij jazyk Publ. (In Russian).

Efremova, T. F. (2001). *The Explanatory Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian).

Grammar of the Modern Russian Literary Language (1970). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Konyushkevich, M. I. (2014). The Potential of Prepositions for the Formation of Allied Means. *Juzhnoslovenskiophilolog*. Кн. LXX. Beograd, 17–33.

Konyushkevich, M. I. (2022). Staples with the basic component "mez" in Russian. *Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Directions, Methods*. Vladivostok, Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet Publ., 210–218. (In Russian).

Krylova, O. A., Maksimov, L. Yu., Shiryayev, E. N. (1997). *Modern Russian. Theoretical course. Part IV. Syntax. Punctuation*. Moscow: RUDN Publ. (In Russian).

Kryuchkov, S. B., Maksimov L. (1977). *Modern Russian. Syntax of a compound sentence*. Moscow: Prosveshcheniye Publ. (In Russian).

Polikarpov, A. A. (2004). Menzerrat's Law as a manifestation of basic tendencies in word formation (on the material of the chronological "morphemic and word-formation dictionary of the Russian language"). *Russian Language: Historical Fates and Modernity*. Moscow: MGU Publ., 287–289. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2008). Accommodating Construction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 4, 58–67. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2013). Adjectival enclosing construction // *Word. Vocabulary. Word of mouth: Communication. Text. Syntax*. Sankt-Peterburg, 303-308. (In Russian).

Vsevolodova M. V. (2017). *The Theory of Functional and Communicative Syntax: A Fragment of the Fundamental Applied (Pedagogical) Model of Language*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Vsevolodova, M. V. (2000). *The Theory of Functional and Communicative Syntax: A Fragment of the Applied (Pedagogical) Model of Language*. Moscow: MGU Publ. (In Russian).

Vsevolodova, M. W., Kukushkina, O. W., Polikarpov, A. A. (2014). *Russian prepositions and means of a prepositional type:*

местоимением «ТО». *Функциональный анализ синтаксических структур*. Иркутск: Иркутский университет, 1982, 3–21.

Черемисина, М. И., Колосова, Т. А. (1987). *Очерки по теории сложного предложения*. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние.

Шмелева, Т. В. (2008). Вмещающая конструкция. *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*. 4, 58–67.

Шмелева, Т. В. (2013). Адъективная вмещающая конструкция. *Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко)*. Санкт-Петербург: 2013, 303–308.

materials for a functional-grammatical description of real use. Book 1. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russian).

Vsevolodova, M. W., Vinogradova, Je. N., Chaplygina, N. Je. (2018). *Russian prepositions and prepositional means. Materials for a functional-grammatical description of real use. Book 2. Register of Russian prepositional units: A – B (objective grammar)*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Конюшкевич, М. И. (2023). О вмещающих конструкциях, и не только о них. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 50–65. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-50-65

For citation:

Konyushkevich, M. I. (2023). On accommodating structures and more. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 50–65. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-50-65